

Н. Кадлец

КАК БЫЛЬ СТАЛА СКАЗКОЙ: СЕРИЯ «ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ» И ДЕТСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ СЮЖЕТ 1970–1980-х гг.

Пионеры-герои Великой Отечественной войны продолжали служить образцом поведения для советских детей на протяжении 1950–1980-х гг. Представления об этих героях в поздний советский период получили сказочную окраску, но наравне с этим в повествованиях о них встречаются элементы репортажа и утверждается, что описанные подвиги действительно имели место. Данная статья выявляет несколько особенностей позднесоветского героического сюжета на основе рассказов серии «Пионеры-герои» (1979–1982), в частности, сочетание реализма с мифологизацией.

Ключевые слова: сказка, Великая Отечественная война, пионеры-герои, советская детская литература, героический сюжет, массовая культура.

Небольшой группе советских детей-героев — пионеров и комсомольцев — в 1930–1980-е гг. было посвящено огромное количество литературных произведений. Военные подвиги детей-героев Великой Отечественной войны получили всесоюзную известность, и повествования о них заняли значительное место в советской детской литературе. Память об этих героях в советской культуре принимала разные формы, а истории их жизни переписывались и переиздавались до самого конца советского периода.

Особое место занимают среди них те, кто посмертно стал Героем Советского Союза: Валя Котик, Зина Портнова, Марат Казей, Леня Голиков. Они были известны даже самым маленьким читателям во многом благодаря циклу рассказов, которые были собраны под одной обложкой — «Пионеры-герои». Адресованные детям младшего школьного возраста, эти рассказы были впервые опубликованы в 1973 г. в формате «Альбома-выставки» и включали в себя большой портрет каждого героя, оформленный таким образом, что его можно было повесить на стену. Начиная с 1979 г. тексты публиковались без портретов-плакатов в более традиционном формате в серии книг под общим названием «Пионеры-герои»¹. В этот цикл вошли тексты

Портрет Зины Портновой (1973).
Художник В. Гальдяев

и о многих других детях-героях. Однако рассказы о Героях Советского Союза можно считать центральными в серии — их напечатали вдвое большим тиражом по сравнению с остальными книжками серии. О них и будет идти речь в этой статье.

Серия «Пионеры-герои» представляет особый интерес как пример позднесоветского героического сюжета и традиции памяти о героях в целом. Во-первых, сама серия была одной из самых поздних в широком контексте ревизии героического нарратива. Во-вторых, рассказы написаны в основном авторами,

которые к тому времени уже приобрели известность своими произведениями об этих героях. И, в-третьих, рассказы серии, адресованные самым маленьким читателям, должны были включить в себя все самое важное о героях в упрощенном формате.

В первой части статьи выявляются несколько характерных черт повествования в рассказах серии, в частности, воспроизведение стандартной структуры героического нарратива и ее ритуальной основы, и также кажущееся парадоксальным сочетание «художественного» и «документального» стилей. Вторая часть статьи посвящена эволюции повествования от более ранних редакций к рассказам серии 1979 г.

СКАЗКА И БЫЛЬ: ХАРАКТЕРИСТИКА СЕРИИ КНИГ «ПИОНЕРЫ-ГЕРОИ»

Советский героический сюжет, в широком смысле, занимал парадоксальное место между реальностью и вымыслом. Сама суть нарратива о пионерах-героях состоит в том, что повествование ведется о реально существовавших детях, а не о выдуманных персонажах, поэтому часто сюжеты о них уходят своими корнями к первым газетным сообщениям [Маслинская, 2005, с. 90–91]. Однако несмотря на то, что истории о героях были построены на фактах жизни разных детей, во всех рассказах в целом воспроизводилась структура, свой-

ственная общему героическому сюжету.

Уже в середине советского периода (начиная с 1950-х гг.) сюжеты рассказов о героях были высоко стандартизированы. Как показала С. Г. Маслинская, это были, в основном, рассказы, «клонированные по одной текстовой модели» [Там же, с. 90]. В них «представлен подготовительный период к подвигу», затем идет «основная часть сюжета, посвященная испытанию ребенка». Потом следует столкновение с врагом, и «в случае, если герой, одержав победу, остается жив, он получает вознаграждение» [Там же, с. 104]. Типичный сюжет начинается с противопоставления героя и врага-фашиста, затем описывается их столкновение и в итоге история заканчивается победой ребенка [Там же]. Таким образом, маленький герой подвергается испытанию, в результате которого он проходит своего рода обряд посвящения. Дети-герои подобны «святым из легенд, распространившимся католической церковью в средние века» [Келли, 2009, с. 17]. Эти рассказы сродни агиографическим жизнеописаниям, поскольку главным «достижением» героя, за которое он вознаграждается, является смерть мученика ради советского общества.

В целом, мы можем утверждать, что структура рассказов о пионерах-героях сходна с той, которую описал Владимир Пропп применительно к волшебным сказкам. По аналогии с тем, как в волшебной сказке дети занимают позицию взрослого при «отлучке» родителей, в рассказе «Леня Голиков» герой принимает роль взрослого, когда отец болеет; в «Зине Портновой» родители остаются в Ленинграде, пока сама героиня воюет на фронте; в «Марате Казее» читатель узнает, что «рос Марат без отца» [Морозов, 1980, с. 6]. Однако дети — герои войны, в отличие от их сказочных предшественников, не возвращаются домой, а в конце повествования мученически умирают².

Рассказы также пользуются сказочной формулой давнего идеального времени, разрушенного врагом. Вводная ситуация сказки

Портрет Лени Голикова (1973).

Художник В. Гальдяев

обычно является благополучной: формулировка завязки *в некотором царстве, в некотором государстве* «указывает на пространственную неопределенность места действия», подчеркивая, что «действие ее совершается вне времени и пространства» [Пропп, 2000, с. 199]. Персонажи сказки — это, как правило, идеализированная и мало описанная семья. «Жили себе “дед да баба” или “мужик”, “у него было три сына”. [...] Это отнюдь не реалистическое описание семьи, а стандартное описание сказочной семьи» [Там же].

Поскольку авторы рассказов серии «Пионеры-герои» имели дело с биографиями реальных детей, нельзя было воспроизвести сказочную неопределенность в буквальном смысле. Однако несколько моментов в рассказах имеют стилистическое сходство с такого рода сказочным повествованием. О Вале Котике мы узнаем: «жила когда-то семья Котиков»; «Росли у них два сына — Витя и Валя» [Наджафов, 1980, с. 5], рассказ про Леню Голикова начинается описанием некой семьи вообще. Кроме того, авторы сохраняют сказочное противопоставление «идеального времени» и «беды, нанесенной врагом», — счастливое детство Лени Голикова прерывается фашистским нападением («Гитлер-то к Старой Руссе подходит») [Корольков, 1980, с. 8]; из завязки к рассказу о Зине Портновой мы узнаем, что:

До войны отец работал на Кировском заводе, мать тоже работала. Зина училась. Младшая сестренка вот-вот должна была пойти в школу. Дома, на Балтийской, всегда былолюдно, весело. По вечерам собирались папины товарищи, рассказывали про заводские дела и про гражданскую войну. А по воскресеньям Зина устраивала дома кукольный театр для всех малышей со своего дома.

И вот фашисты нарушили все!..

«Где теперь радость, счастливая жизнь?!» [Набатов, 1980, с. 68].

После этого по сюжету следует столкновение героя и врага, затем победа. В рассказах серии встречается еще один устойчивый элемент — это описание памяти о героях. В традиционной сказке аналогичным элементом является «узнавание» героя [Пропп, 1998, с. 47]. В этой последней части повествования речь идет о комплексе различных форм памяти, таких, как памятники, стихотворения, пионерские бригады и дружины, названные в честь героя. Все это должно свидетельствовать о большой культурной значимости его подвига.

Итак, стиль повествования в серии «Пионеры-герои» по своей структуре содержит ряд сказочных элементов. В героическом

сюжете в целом подвиги героев были драматизированы до такой степени, что они стали практически невероятными. По наблюдению Катрионы Келли,

Описание их (героев. — *Н. К.*) подвигов вовсе не предполагало правдивого отображения действительности. <...> эти герои должны были вызывать чувство восхищения, внушать благоговение перед их безоговорочной преданностью идеалам. Из публикаций безжалостно вымарывались любые подробности, не соответствующие героическому поведению, и заменялись чем-либо подобающим [Келли, 2009, с. 17].

Таким образом, мифологизация являлась необходимым элементом повествования о героях. Это вовсе не было изобретением позднего советского периода: еще в начале 1930-х гг. Максим Горький лично вмешивался в вопрос о представлении подвига Павлика Морозова в массовой литературе, отмечая, что ранние тексты о герое являлись слишком реалистическими [Там же, с. 145].

Однородность сюжетных линий также способствует созданию идеализированного героя как типа. Таким образом, реальная действительность жизни и подвига героя преуменьшается. На примере Морозова Келли пишет, что ребенок-герой:

<...> не просто пример для подражания; его героизм *недостижим*, его подвиг нельзя повторить в обычной жизни; патриотизм и гражданский долг Морозова возвысили его до таких вершин, откуда нет возврата. <...> Именно невероятность его героизма и вызывала такое восхищение [Там же, с. 160–161].

Такого рода мифологизация соответствует наблюдению Бориса Гройса о взрослом герое сталинской эпохи:

Характерной чертой героев литературы сталинского времени является способность совершать подвиги, очевидно превосходящие человеческие силы, — способность эта проявляется у них вследствие их отказа подходить к жизни «формалистически». Этот отказ позволяет им одной силой воли излечиться от туберкулеза, начать выращивать тропические растения в тундре без парников, силой взгляда парализовать врага и т. д. <...> Всякая ссылка на факты, технические возможности или объективные границы отвергалась как «малодушие» и «маловерие», не достойные истинного сталинца [Гройс, 2013, с. 88–89].

Итак, неудивительно, что из рассказов серии «Пионеры-герои» читатель узнает, например, как беззащитная девочка Зина Портнова смогла одолеть вооруженных нацистов.

При этом в центре таких сюжетов — не литературные вымышленные герои, а реальные дети, которые действительно жили и (вероятно) совершали свои подвиги. Именно поэтому рассказы названы «художественно-документальными». Эта жанровая атрибуция размещена в выходных данных на обложке: например, «Зина Портнова: художественно-документальный рассказ» [Набатов, 1980], и напоминает читателю, что не следует относиться к рассказам ни как к «чистой» художественной литературе, ни как к достоверной истории. В рассказах представлена не только мифологическая конструкция героической жертвы, но и «голые факты» реальных детских судеб: указываются конкретные даты, которые имели значение в жизни героя; именно поэтому мы узнаем, что выход в разведку Марата Казея состоялся «морозным утром 8 марта» [Морозов, 1980, с. 8], что Боря Цариков умер «13 ноября 1943 года» [Лиханов, 1980, с. 26], что Валю Котика приняли в пионеры «7 ноября 1939 года» и что «самое необычайное произошло с Ленкой 13 августа 1942 года» [Наджафов, 1980, с. 6–7].

Предметом описания становится конкретная географическая обстановка. В историях не только упоминается родной край героя, но и указывается на то, где конкретно он расположен: Марат Казей вырос «на краю села Станьково, у шоссеной дороги, что ведет в Минск», и оттуда он «идет в Дзержинск», чтобы воевать, а потом его «партизанская бригада разместилась в деревне Румок» [Морозов, 1980, с. 6, 8]. Валя Котик жил «в маленьком украинском селе Хмелевка» перед тем, как Котики «переехали в Шепетовку» (там, как с радостью узнает Валя, раньше жил Николай Островский) [Наджафов, 1980, с. 5–6], и в начале рассказа Набатова о Зине Портновой героиня находится вместе с партизанской бригадой «в полукилометре от деревни Ушалы» [Набатов, 1980, с. 5].

Итак, в «художественно-документальных рассказах» серии «Пионеры-герои» реальные факты о героях использованы в качестве художественного приема «документального стиля» (исходя, видимо, из истоков жизнеописаний в газетном дискурсе), а в историях в целом воспроизводилась стандартная структура героического сюжета.

ПРОТОТЕКСТЫ СЕРИИ И УСТАНОВЛЕНИЕ ТРАДИЦИИ ПАМЯТИ

Рассказы серии «Пионеры-герои», разумеется, появились не на пустом месте. Целый ряд более ранних брошюр, также носивших название «Пионеры-герои» и включавших в себя краткие

жизнеописания многих из будущих героев серии, могут казаться предшественниками текстов, вошедших в «Альбом-выставку» 1973 г. и серию 1979 г., однако тексты брошюр имеют очень мало общего с рассказами серии «Пионеры-герои»³. Это краткие, от одной до двух страниц, жизнеописания, которые не претендовали на художественную ценность, хотя, как и рассказы серии, строились по определенной структуре. На самом деле эти брошюры даже не были ориентированы на самих пионеров, они адресовались их вожатым, которые, по-видимому, должны были рассказывать сюжеты своим воспитанникам⁴.

Поэтому можно сказать, что тексты альбома «Пионеры-герои» 1973 г. не основаны на каком-либо одном наборе «прототекстов». Но многие из них имеют свои корни в уже существовавших художественных повестях и рассказах о тех же героях, написанных теми же авторами, что и составители кратких «малышовых» редакций. Конкретный пример эволюции нарратива — это повести и рассказы Г. О. Набатова о Зине Портновой. Рассказ «Зина Портнова», входящий в серию «Пионеры-герои», представляет собой продукт переработки целого ряда произведений Г. О. Набатова о юной партизанке. Первое из них — повесть 1960 г. «Юные мстители», состоящая из 19 глав, в которых история Портновой совмещается с историями ее товарищей по подпольной организации. Из них две главы — «Девочка из Ленинграда» (гл. 3) и «Подвиг Зины Портновой» (гл. 18) — посвящены непосредственно Зине. Помимо объема (почти 200 страниц) и целевой аудитории (повесть ориентирована на читателей среднего школьного возраста), главное ее отличие от более позднего рассказа «Зина Портнова» 1973 г. в том, что в ней речь идет не только о подвиге Портновой, но и о достижениях подпольной комсомольской организации «Юные мстители» в целом.

Конечно, в «Юных мстителях» есть много сюжетных деталей, которых нет в сокращенной версии 1973 г. Портнова «Юных мстителей», в отличие от Портновой более позднего рассказа, по-настоящему принимает участие в боях и переносит долгие пытки во время заключения [Набатов, 1960, с. 81]. В повести также описываются ее повешение и выкалывание ей глаз фашистами. В других повестях Набатова — «Юные подпольщики» (1963) и «Юность, огнем опаленная» (1968) — сюжетная линия Портновой в основном повторяет историю, рассказанную в «Юных мстителях», однако с некоторыми изменениями. К примеру, в каждой из повестей вступительная глава о Портновой заканчивается словами о вступлении героини

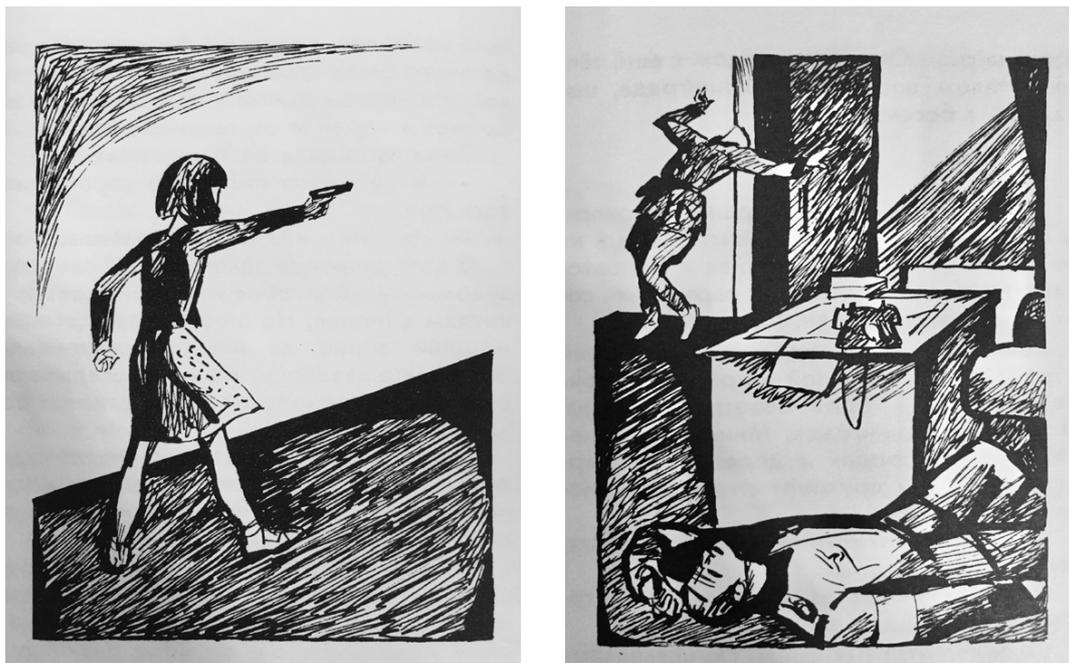

Иллюстрация из альбома-выставки «Пионеры-герои» (1973). Зина Портнова. Худ. В. Гальдяев

в подпольную организацию, слова эти повторяются с незначительными изменениями: «Ладно, найдем и тебе дело», — обещает партизанский командир Борис Кириллович в «Юных подпольщиках» [Набатов, 1963, с. 25], а в «Юных мстителях» тот же самый Борис Кириллович соглашается: «Ладно, девочка, получишь задание» [Набатов, 1960, с. 41]. Несмотря на эти «косметические» поправки, можно сказать, что все три набатовских повести 1960-х гг. в сущности представляют единый нарратив о Портновой.

Кроме этих повестей, существует рассказ Набатова «Комсомолка с Нарвской заставы», опубликованный в сборнике 1969 г. «Очерки о женщинах — Героях Советского Союза». В отличие от «Юных мстителей» и других набатовских повестей о подпольщиках, он посвящен непосредственно Портновой. Но это уже полноценный художественный рассказ, в котором ее подвиг довольно подробно описывался.

По существу сюжет о Зине мало изменяется, несмотря на разнообразие форм, в которых он представлен. Набатов впервые опубликовал текст о Портновой в 1960 г., а рассказ для младшего возраста «Зина Портнова» появляется только в 1973 г. и печатается в серии «Пионеры-герои» уже в 1980 г. Во всех изданиях «голые факты» о жизни героини сочетаются с художественным вымыслом, и целые отрывки воспроизводятся без изменений. Например, сцена,

в которой фашистский офицер пытается соблазнить Портнову изысканным обедом, повторяется во всех набатовских историях о Портновой вплоть до версии 1980 г. Сравним эту сцену в трех вариантах сюжета:

Ах, как побледнела, как похудела, фрейлейн. Ей нужно мольоко, масло, белый хлеб, шоколяд... Фрейлейн любит шоколядные конфеты? <...> Он приказал отвести ее в комнату, находившуюся в здании гестапо. Ей принесли ужин из двух блюд, белый хлеб, конфеты [Набатов, 1960, с. 172–173].

Ах, как побледнела, как похудела, фрейлейн. Ей нужно мольоко, масло, белый хлеб, шоколяд... Фрейлейн любит шоколядные конфеты? <...> Он приказал отвести ее не в тюрьму, а в комнату, находившуюся в здании гестапо. Ей принесли обед из двух блюд, белый хлеб, конфеты [Набатов, 1969].

Фрейлен нужно молоко, масло, белый хлеб, шоколад... Фрейлен любит шоколадные конфеты? <...> Он приказал отвести ее не в тюрьму, а в комнату, находившуюся здесь же, в здании гестапо. Ей принесли обед из двух блюд, белый хлеб, конфеты [Набатов, 1980, с. 14–15].

За исключением нескольких незначительных отличий (например, «ужин» в «Юных мстителях» становится «обедом» в более поздних историях; в «Зине Портновой» офицер говорит без немецкого акцента), текст практически не меняется. Этот пример очень типичен: если сравнить «Зину Портнову» с более ранними набатовскими историями, становится ясным, что сюжетная линия едва ли отличается от других. Действительно, можно сказать, что рассказ «Зина Портнова» — это развитие более ранних текстов, сокращенных и упрощенных для нового формата.

Обнаруженные отличия в основном содержатся в структуре рассказа. Во-первых, более ранние набатовские повести и рассказы о героине адресованы читателям среднего школьного возраста, а тексты, входящие в альбом-выставку и серию «Пионеры-герои», ориентированы на самых маленьких детей. Тексты становятся короче, и их язык более простой. Во-вторых, в набатовских повестях речь идет о нескольких героях, а рассказ «Зина Портнова» по форме уже похож на агиографическое жизнеописание героини — в нем восхваляется одна конкретная личность и ее героические поступки.

Кроме структурных отличий, самое очевидное изменение, внесенное в рассказ «Зина Портнова», — это особый акцент на «жизнь после смерти» героини. Этого нет в более ранних текстах. Во всех

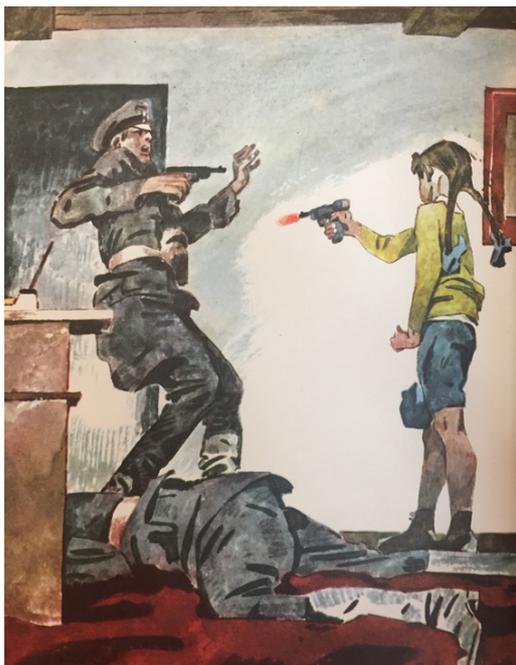

Иллюстрация из книги Г. О. Набатова «Зина Портнова». Худ. В. Юдин (М.: Малыш, 1979).

набатовских повестях сюжетная линия Портновой заканчивается следующей устойчивой формулировкой:

Сосна дрогнула, несколько сучков упали вниз на снег. Они легли рядом с телом девушки, только что шагнувшей в бессмертие [Набатов, 1960, с. 177].

Такое заключение повторяется слово в слово и в «Юных подпольщиках», и в «Юности, огнем опаленной», и в «Комсомолке с Нарвской заставы». Эта же формулировка обнаруживается и в финале «Зины Портновой» 1980 года выпуска. Однако этот самый поздний рассказ не заканчивается этим предложением. После него добавляется новый текст, касающийся традиции памяти молодой героини:

<...> Немало подвигов совершили пионеры в годы Отечественной войны. Каждый из них по-своему величественен и неповторим. Но подвиг маленькой партизанки совершенно изумителен, легендарен.

Зина Портнова удостоена в нашей стране самой большой награды. Ей присвоено звание Героя Советского Союза. В Москве, Ленинграде, Минске, во многих других городах и деревнях пионерские отряды и дружины с гордостью носят ее имя.

Про Зину Портнову пишут книги, пьесы, слагают стихи.

Острый резец высек имя юной героини на камне обелиска.

Я видел этот памятник. Он установлен на автостраде, у перекрестка дорог, ведущих туда, где действовали обольские подпольщики.

Я стоял возле обелиска, вновь и вновь перечитывал имена героев,

отдавших свою недолгую жизнь за счастье живых, и невольно вспомнились мне слова Максима Горького:

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Постановлением Совета Министров РСФСР одному из кораблей Советского флота присвоено имя Зины Портновой [Набатов, 1980, с. 18].

В рассказе «Зина Портнова», который, как уже говорилось, был значительно сокращен и упрощен для младшей аудитории, делается заметный акцент на посмертное поминовение героини. Это, безусловно, самое очевидное изменение, внесенное в редакцию истории о Зине в 1973/1980 гг. Очевидно, что упоминание различных форм мемориализации подвига (пионерские отряды, памятники и пр.), как и другие моменты обращения к «голым фактам» жизни героини, призваны напоминать читателю о реальности истории. Повествование о том, что героине посвящены обелиски, памятники, стихи, — это реальные доказательства ее существования, которые читатели могут увидеть своими глазами. Описание памяти о героине (то есть культа, сложившегося вокруг нее) само по себе не является чем-то исключительным. Наоборот, тенденция описывать почитание героев детьми-читателями уже существовала:

<...> уже в первых публикациях о детских подвигах, в периодике появляются описания «типичных» реакций на эти сообщения, то есть как дети реагируют на известие и как затем почитают героя. Формируется не только нарративная традиция, но и традиция описания форм культа. Складывается ситуация, при которой культ сам себя описывает. В периодике не только задаются формы культа, но и транслируется идея повсеместной распространенности этих форм, что в конце концов приводит к унификации культовой практики [Маслинская, 2005, с. 114].

В более поздних рассказах факты увековечивания памяти о герое печатались уже вместе с самим художественным текстом о герое. Со временем такого рода описание памяти становилось все более и более важной частью героического нарратива, о чем свидетельствует концовка рассказа о Зине Портновой.

Акцент на традиции поминовения героев присутствует не только в набатовском рассказе. Все рассматриваемые тексты из серии «Пионеры-герои» заканчиваются подробным изложением того, каким образом память о герое сохраняется в современной советской культуре. Из серии читатель узнает, например, что «в июне 1960 года Лене Голикову открыт памятник в Москве на ВДНХ

у входа в павильон «Юные натуралисты и техники»» [Корольков, 1980, с. 26], и «9 мая 1965 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Марату Казею посмертно присвоено звание Героя Советского Союза» [Морозов, 1980, с. 18]. Г. Д. Наджафов пишет о Вале Котике, что «известный поэт, лауреат Ленинской премии Михаил Светлов посвятил юному партизану стихи...», и в рассказе цитируется это стихотворение [Наджафов, 1980, с. 18]. Описание культа дано в устойчивых формулировках. Так, упоминание о присвоении кораблю имени героя в каждом рассказе оформляется одинаково:

Постановлением Совета Министров РСФСР одному из кораблей Советского флота присвоено имя Вали Котика [Наджафов, 1980, с. 18];

Постановлением Совета Министров РСФСР одному из кораблей Советского флота присвоено имя Лени Голикова [Корольков, 1980, с. 26] и др.

Самое любопытное, что в каждом случае заключение о формах памяти героя дополняет уже существующий нарратив (как и в случае с Зиной Портновой). В рассказе «Было герою четырнадцать лет», написанном в 1965 г. В. Морозовым о Марате Казее, как и в более позднем рассказе «Марат Казей», встречается следующее описание фактического подвига Марата: «От взрыва погибло еще несколько фашистов» [Морозов, 1980, с. 17]. Более ранний рассказ заканчивается фактическим описанием подвига, после него идет только короткое изображение обстановки. Однако в рассказе «Марат Казей» 1980 г. добавляется еще и подробное заключение, в котором упоминается полный комплекс различных форм памяти о герое (детальный список медалей, которыми награжден Марат, памятник герою, пионерские отряды, носящие его имя, и пр.) [Там же, с. 17–18]. Тем временем, в сюжете о Лене Голикове 1980 г., разработанном на основе опубликованной в 1953 г. повести «Партизан Леня Голиков», подробное описание смерти героя более ранней версии заменяется коротким упоминанием («Юный пионер-герой погиб смертью храбрых 24 января 1943 г. в неравном бою под селом Острая Лука»), после которого идет перечень наград и других видов памяти о героях [Корольков, 1980, с. 25–26].

Подобного рода концовки, посвященные памяти о герое, систематически добавлялись к каждому рассказу серии «Пионеры-герои». Часть повествования, которая посвящена памяти о герое, становится со временем еще более насыщенной деталями. Стоит заметить, что эти концовки, по-видимому, появились не стихийно, а добавлялись систематически к каждому рассказу. Об этом свиде-

тельствуют дословно повторяющиеся формулировки о присвоении кораблю имени пионера-героя. Скорее всего, это показывает непосредственное вмешательство редакции в стандартизацию нарративов. Но почему было так важно, чтобы рассказы подчеркивали именно традицию памяти о героях?

Этот процесс имеет некое сходство с общей «гипернормализацией» советского идеологического языка. По мнению Алексея Юрчака, позицией автора идеологического языка в позднесоветском периоде являлась на самом деле позиция «ретранслятора — то есть позиция человека, который лишь повторяет предыдущие авторитетные высказывания, не создавая новых» [Юрчак, 2014, с. 108]. Это ситуация, в которой «перформативные» смыслы высказываний становятся важнее, чем буквальные: «при возрастающей нормализации и стандартизации авторитетного языка наиболее важным было сохранить неизменную лингвистическую форму языковых высказываний, уделяя меньше внимания смыслу» [Там же, с. 122]. Воспроизводя уже существующее знание, официальный язык становился замкнутым и автореференциальным, то есть самоотносимым.

Анализ Юрчака имеет дело с языком политических ритуалов, но он может быть применен и к агитационно-литературному нарративу о пионерах-героях. Воспроизводя более ранние высказывания о героях (например, у Наджафова упоминаются стихи Светлова, посвященные Вале Котику; слова Горького о героизме упоминаются у Набатова) и сохраняя точные формулировки своих более ранних произведений, авторы серии являлись «ретрансляторами» текстов героического сюжета. У них было две основных цели: во-первых, с довольно большой точностью воспроизвести старые тексты и, во-вторых, ввести в них отсылки к традиции памяти героев.

В 1973 г. в серии «Пионеры-герои» уже недостаточно было просто воспроизвести нормализованный героический сюжет (как в более ранних текстах). Необходимо было еще и дать явную отсылку к целому комплексу различных практик памяти о героях, как в литературных проявлениях (цитаты из стихотворений, авторитетные тексты власти), так и в других формах (обелиски, корабли, пионерские бригады и дружины по имени героя). Можно сказать, что в этих рассказах восхвалялись не только героические подвиги, но и сам дискурс о них.

Таким образом, значение подвига героя теснится уже сложившейся культурной традицией памяти, частью которой являются сами

рассказы, входящие в серию. Это свидетельствует о росте внимания к дискурсу, сложившемуся вокруг героев. Непосредственный сюжет истории («герой совершил подвиг») больше не является единственным смысловым посылом данных рассказов. Перформативное значение («существует активная традиция памяти героев, в которую входит данная история и в которой участвуешь и ты, ребенок/вожатый, читающий историю») становится не менее важным для культурной значимости позднесоветского героического сюжета. И так, даже воспроизводя стандартный сюжет и ритуальную основу более раннего героического нарратива, буквальный смысл этих более поздних рассказов уступает место перформативному.

Этот дискурсивный сдвиг способствовал тому, чтобы получил разрешение кажущийся парадокс вымысла и факта. Перенос акцент с самого подвига на традицию памяти о герое, авторы рассказов делали упор на большое культурное значение поступка героя. Этот сдвиг менял тем самым и само восприятие героического поступка, превращая его в само собой разумеющееся событие.

Примечания

¹ В серии 1979 г. тексты не отличаются от текстов, включенных в «Альбом-выставку» 1973 г.

² Такого рода адаптацию сказочного сюжета к советскому нарративу мученичества можно встретить уже в «Сказке о Военной тайне» Аркадия Гайдара (1933).

³ См. следующие: Пионеры-герои [Краткие очерки]. М.: Моск. гор. дом пионеров, 1956; Пионеры-герои [Краткие очерки]. Омск: Омск. гор. дом пионеров, 1957; Пионеры-герои [Краткие очерки]. Воронеж: Кн. изд-во, 1959.

⁴ Введения брошюр адресованы именно пионерским вожатым, а не детям (см.: [Пионеры-герои, 1956, с. 3; Пионеры-герои, 1957, с. 1]).

Источники

- Гайдар А. П.* Повести и рассказы. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Корольков Ю.* Леня Голиков. Серия «Пионеры-герои». М.: Малыш, 1980.
- Лиханов А. А.* Боря Цариков. Серия «Пионеры-герои». М.: Малыш, 1980.
- Морозов В.* Было герою четырнадцать лет // Пионеры-герои (Очерки). Минск: Юнацтва, 1985. Цит. по интернет-републикации: URL: http://lib.ru/PRIKL/PIONERY/pionger.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 14.08.2018).
- Морозов В. Н.* Марат Казей. Серия «Пионеры-герои». М.: Малыш, 1980.
- Набатов Г. О.* Юные мстители: Докум. повесть. Л.: Детгиз, 1960.
- Набатов Г. О.* Юные подпольщики. М.: Госполитиздат, 1963.
- Набатов Г. О.* Юность, огнем опаленная: Повести. Минск: Беларусь, 1968.
- Набатов Г. О.* Комсомолка с Нарвской заставы // Героини. Вып. 2 (Очерки о женщинах — Героях Советского Союза). М.: Политиздат, 1969. Цит. по интернет-републикации: URL: http://www.a-z.ru/women_cd2/12/11/i80_122.htm (дата обращения: 14.08.2018).

- Набатов Г. О.* Зина Портнова. Серия «Пионеры-герои». М.: Малыш, 1979.
Набатов Г. О. Зина Портнова. Серия «Пионеры-герои». М.: Малыш, 1980.
Наджафов Г. Валя Котик. Серия «Пионеры-герои». М.: Малыш, 1980.
Пионеры-герои: Альбом-выставка. Для детей. Вып. 1-й [6]: Леня Голиков. Валя Котик. Зина Портнова. Марат Казей. М.: Малыш, 1973.

Исследования

- Гройс Б.* Gesamtkunstwerk Сталин. М.: AdMarginem, 2013.
Добренко Е. А. Политэкономия соцреализма. М.: НЛЮ, 2007.
Келли К. Товарищ Павлик: взлет и падение советского мальчика-героя / пер. с англ. И. Смиренской. М.: НЛЮ, 2009.
Кларк К. Советский роман: история как ритуал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
Маслинская С. Г. Жизнеописание пионера-героя: текстовая традиция и ритуальный контекст // Современная российская мифология. М.: РГГУ, 2005. С. 89–123.
Пропп В. Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1988.
Пропп В. Я. Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа). М.: Лабиринт, 2000.
Федоров А. Ф. Эстафета пионерского подвига (предисловие «Дети-герои»). Сост. И. К. Гончаренко, Н. Б. Махлин. К. : Рад. шк., 1985. Цит. по интернет-републикации: URL: <http://lenin-ram.narod.ru/det.htm> (дата обращения: 23.02.2018).
Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. М.: НЛЮ, 2014.